

Татьяна Хурда

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

в заповеднике:

спасатели русалочек

КАЛИНИНСКИЙ
ЗАПОВЕДНИК

Татьяна Хурда

**Приключения в заповеднике:
спасатели русалочек**

«Автор»

2026

Хурда Т. В.

Приключения в заповеднике: спасатели русалочек / Т. В. Хурда —
«Автор», 2026

Алиса едет в заповедник к бабушке и дедушке на всё лето вместо запланированного времени с друзьями в городе. Сначала девочка воспринимает это как наказание, но постепенно погружается в новый мир: заводит друзей, знакомится с животными в домашнем зверинце дедушки и не только. Неожиданно фантастический мир оживает — Алиса встречает домового Еремея, заболевшего простудой и нуждающегося в помощи. Вместе с младшим братом Денисом и двоюродным братом Лёней Алиса отправляется на болото за лекарством, но встречает враждебных кикимор. Далее в мире детей появляются русалки, леший, эльфы и другие волшебные персонажи. Все вместе они решают помочь русалочкам освободить их озеро от злых кикимор. В книге много юмора, смешных ситуаций. Она для семейного чтения, так как рассказывает о семейных ценностях и традициях большой дружной семьи.

Главные герои - двенадцатилетняя Алиса, ее шестилетний брат Дениска, семилетний двоюродный брат Лёня и домовый Еремей. Место - заповедник. Теплая, смешная, добрая.

© Хурда Т. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Испорченные каникулы	5
Глава 2. Сто двадцать килограммов доброты	7
Глава 3. Дорога в заповедник	9
Глава 4. Бабушкина радость	12
Глава 5. Королева кикимор	14
Глава 6. Рыцари по неволе	17
Глава 7. Ночной кошмар	21
Глава 8. Лекарство для домового	24
Глава 9. Пора в путь-дорогу	28
Глава 10. Страшные люди — кикиморы	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Приключения в заповеднике: спасатели русалочек

Глава 1. Испорченные каникулы

Приключения, о которых пойдёт речь в этой книге, начались в первый день летних каникул.

За окном моросил дождь — нудный, мелкий, совершенно не летний. Алиса приоткрыла глаза, посмотрела на серое стекло и закрыла обратно. Потом всё-таки открыла снова и покосилась на часы. Одиннадцать утра.

— Ого, — пробормотала она. — Вот это я поспала.

Из коридора донёлся мамин голос:

— Алиса! Завтрак на столе, вставай!

Алиса потянулась, зевнула и поболтала ногами с края кровати. Девять месяцев школы позади. Впереди — три месяца полной свободы. Никаких будильников, никаких домашних заданий, никакого «ты уже сделала уроки?». Она представила, как сидит с девчонками на лавочке во дворе и они дорисовывают фломастерами карту их похода, и улыбнулась.

— Подъём, — скомандовала она себе и встала.

Умыться толком не получилось — за дверью ванной немедленно объявился Дениска.

— Алиса, ну пусти! Мне тоже надо! — захныкал он.

Дениске было пять с половиной лет, и он свято верил, что всё, чем в данный момент занимается старшая сестра, нужно ему немедленно и срочно. Алиса улыбнулась, сполоснула лицо и уступила ванную.

На кухне дымились макароны с сосисками — её любимые. Мама говорила, что при такой любви к макаронам Алисе надо было родиться в Италии. Дениска тоже их обожал, особенно спагетти: он вкладывал один кончик в рот и торжественно всасывал до самого конца, закатывая глаза от удовольствия.

Чай уже заваривался — малиновый, пахучий, — когда мама сказала:

— У меня для вас приятная новость.

— Какая? — осторожно спросила Алиса. Мамины приятные новости бывали разные.

— Завтра едете к бабушке с дедушкой. На всё лето!

— Ура-а! — Дениска подпрыгнул и едва не опрокинул тарелку.

— О нет, — сказала Алиса.

Она посмотрела в окно. Мокрая детская площадка блестела и пустовала. Там, под грибом, должны были сидеть девчонки с фломастерами и картой. Поход, медвежата в зоопарке, которых их класс взял под шефство, зелёная зона во дворе, скворечники — всё это она планировала всю последнюю четверть, загибая пальцы на уроках, когда становилось совсем скучно.

— Мам, ну зачем? У меня же были планы. Мы с девчонками собирались в поход, наш класс взял шефство над медвежатами, мы хотели посадить деревья во дворе, скворечники вешать...

— Вот и замечательно, — невозмутимо ответила мама. — Деревья посадишь у дедушки в заповеднике, скворечники там тоже пригодятся, а за животными есть кому поухаживать — дедушка что-нибудь придумает. Медвежат не обещаю, но кто знает.

Дедушка был директором заповедника. Они с бабушкой жили в доме прямо в лесу; до ближайшего села — семьдесят четыре километра, и никаких соседей. Для Дениски это звучало как сказка. Для Алисы — как приговор.

— Мам...

Мама посмотрела на неё и чуть качнула головой: разговор окончен.

Алиса надулась и пошла собирать вещи.

Она методично складывала футболки и шорты, поглядывая на часы, — вдруг мама всё-таки передумает. Часы шли. Мама молчала. В углу комнаты стоял походный рюкзак с нашитыми звёздочками — Алиса готовила его к походу ещё в мае. Она на него посмотрела, вздохнула и вернулась к сумке.

Из комнаты Дениски донёсся грохот.

— Что там ещё, — пробормотала Алиса и пошла смотреть.

Посреди комнаты стояли шесть раздутых сумок. Мама выгребала из них автоматы, машинки, солдатиков, самолётики и мячи — без конца, как из волшебного мешка. Дениска стоял рядом и отчаянно цеплялся за очередной автомат.

— Дениска, а где твоя одежда? — спросила мама.

— Я ещё не дошёл до неё, — честно сообщил он.

Алиса не выдержала и прыснула.

— Ты решил перевезти всю комнату?

— Чем я там буду играть? — Дениска посмотрел на маму с искренним отчаянием. — Мамулечка, солнышко, хотя бы самолёт оставь!

Мама попыталась сохранить строгое лицо, но тоже не удержалась. Смеялись все, кроме Дениски, который стоял, насупившись и всхлипывая. В конце концов мама сжалась: один автомат, один самолёт — и велосипед в придачу. Дениска мгновенно забыл обо всех остальных сокровищах.

К тому времени дождь кончился. Мама приоткрыла окно, и в комнату влетело птичье щебетание — воробьи прыгали по веткам яблоньки, стряхивая капли. Солнце пробилось между тучами и положило жёлтую полосу на пол.

Вещи были собраны. Алиса позвала Дениску и они вышли во двор — прощаться с друзьями на целое лето, которое в ту минуту казалось ей бесконечно длинным и безнадежно потерянным.

Глава 2. Сто двадцать килограммов доброты

На следующее утро они сели в поезд на Калинино.

Алиса забралась к окну и открыла книгу. «Алиса в стране чудес» — мама всегда смеялась, что она читает про себя. За стеклом тянулись поля, потом лес, потом снова поля, потом покосившийся полустанок с одним фонарём — и всё сначала. Дениска сидел напротив и считал столбы вслух. На пятьдесят четвертом столбе Алиса не выдержала и подняла книгу повыше.

Велосипед занял половину купе. Мама попробовала его пристроить, повертела так и эдак и в конце концов оставила как есть, мысленно поставив на свободное место табличку «занято».

Ближе к вечеру дверь купе отъехала в сторону, и внутрь с трудом протиснулся мужчина. Огромный — под два метра, широкий в плечах, с густой рыжеватой бородой, из которой во все стороны торчали непослушные кудряшки. Одет просто: клетчатая рубашка, застиранные джинсы, сапоги, которые повидали не один лес. Полка под ним крякнула, когда он сел.

От него пахло хвоей, дождём и чем-то сладким — как от свежего мёда.

Вот это дяденька, — подумал Дениска, не скрывая восхищения. — *Точно сто килограммов.*

— Добрый вечер, — пробасил мужчина и добродушно оглядел купе. — Надеюсь, не помешаю. Иван Петрович. — Он протянул маме руку — большую, как лопата. — Для детворы можно просто дядя Ваня.

— Татьяна Владимировна, — ответила мама, пожимая. — Можно Таня. Это Алиса и Денис.

— Дениска, — поправил Дениска. — Мы едем к бабуле и дедуле!

Иван Петрович одним движением закинул сумку на верхнюю полку, без лишних слов переставил велосипед и устроился на своём месте.

— Ну что, чаю? У меня пирожки с картошкой, самое то в дорогу.

Никто не отказался. Мама достала курицу и контейнеры, подвинула вазочку с цветами, освобождая стол. Дениска немедленно заявил, что хочет съесть слона.

— Слона не держу, — сказала мама. — Есть курица.

— Тогда три курицы! И два килограмма сосисок, и пюре, и большую колу!

Иван Петрович присвистнул:

— Столько даже мне не осилить. Ты часом не в сумоисты записался?

— В кого? — Дениска немедленно отвлёкся от сосиски.

— Сумо — японская борьба. Там побеждает тот, кто тяжелее: нужно вытолкнуть соперника за круг. Поэтому борцы едят много и становятся вот такими. — Иван Петрович развёл руками, обозначив внушительный объём.

— Как вы? — спросил Дениска и с искренним интересом уставился на живот дяди Вани.

Татьяна Владимировна поперхнулась чаем.

— Денис!

Иван Петрович расхохотался — громко, без обиды, так что стаканы в подстаканниках звякнули.

— Да ничего страшного. У нас в селе меня так и зовут — Ваня Толстый. Дети — дядя Толстый. Привык давно.

— Вы вовсе не Толстый, вы Богатырь, — твёрдо сказала мама.

— А вы откуда? — спросила Алиса, опустив книгу.

— Из Калинино. Лесником работаю.

— Так мы туда и едем.

— Надо же. — Иван Петрович прищурился. — И к кому, если не секрет?

— К Кожановым. Владимир Степанович — наш дедушка, он директор заповедника.

— Степаныч? — Дядя Ваня хлопнул ладонью по колену. — Друг мой! Сто лет знакомы. Вот так встреча.

— Значит, ещё увидимся! — обрадовался Дениска. — Мы на всё лето!

— Сто процентов, — подмигнул Иван Петрович.

Разговор перескочил на егерей — Дениска узнал, что у егеря есть ружьё и можно ловить браконьеров, и немедленно решил, кем станет, когда вырастет. Алиса заметила, что для начала ему надо пересчитать всех зайцев у дедушки. Дениска не обиделся — он уже рисовал в голове, как гонится за браконьером по лесу.

— А вы, я смотрю, не очень рады заповеднику, — сказал Иван Петрович, глянув на Алису.

— Я рада бы своим планам, — ответила она. — Просто у меня было лето расписано, а теперь...

— Комары заедят? — усмехнулся он.

— Примерно.

Иван Петрович помолчал, потом достал из кармана потрепанный блокнот в кожаном переплёте и протянул Дениске:

— Держи, будущий егерь. Рисуй зверьё, пока едем. Между станциями много всякого попадает. Карандаш точи аккуратно — проводница ругается.

Дениска схватил блокнот обеими руками и уставился в окно с видом человека, приступившего к важному делу.

Дядя Ваня повернулся к Алисе. Улыбка стала чуть тише, синие глаза прищурились — в них что-то мелькнуло, глубокое, как вода в лесном колодце.

— А ты смотри не только в книгу. Иногда то, что написано людьми, меркнет перед тем, что пишет природа. Там, куда мы едем, страницы сами переворачиваются.

Алиса ничего не ответила, но книгу убрала.

Когда пришло время спать, выяснилось, что верхняя полка достанется Дениске — мама на неё не залезала, а дядя Ваня благоразумно не стал испытывать конструкцию. Дениска воспринял это как отдельный подарок судьбы: он мечтал об этом с самой посадки.

Он залез наверх, повозился минут пять, устраиваясь, и затих. Через десять минут ровно посапывал.

Мама не спала почти всю ночь. Каждый раз, когда поезд качало на стыке, она открывала глаза и смотрела вверх. Когда всё-таки засыпала — снился Дениска, летящий с полки в замедленном времени, и она просыпалась снова.

За окном мигали огни станций. Колёса стучали ровно и монотонно. Поезд вёз их на восток — к лесу, к дедушке и к чему-то, чего Алиса пока не могла понять.

Глава 3. Дорога в заповедник

Утром поезд остановился у низкого перрона станции Калинино.

Алиса увидела дедушку ещё из окна — он стоял у своего УАЗа и шурился на вагоны, разыскивая их. Уазик был выдавший виды, с помятым крылом и антенной, примотанной проволокой, — на таком только и ездить по тайге.

Дениска выскочил из вагона раньше, чем поезд окончательно встал, и с разбегу запрыгнул дедушке на шею. Очки у того съехали на нос.

— Батюшки! — дедушка поймал внука, выпрямился и засмеялся. — Живой!

Мама немедленно принялась отчитывать Дениску — тот слушал с видом человека, который всё делал правильно.

— Я же не уронил дедушку, — резонно заметил он.

— Повезло дедушке, — сказала Алиса.

Дедушка снял очки, протёр их и посмотрел на неё:

— Алиса! Ты выросла. Ты у нас теперь баскетболистка?

— Вся в отца, — вздохнула мама. — У того почти метр девяносто. Жениха никогда не найдёт — уже сейчас выше всех в классе.

— Я замуж и не собираюсь, — спокойно ответила Алиса. — Лучше в баскетбол буду играть.

Дедушка подмигнул ей поверх очков.

Тут он заметил дядю Ваню, выбирающегося со своей огромной сумкой, и они обнялись так, что Дениска присвистнул.

— Степаныч!

— Ванька, чёрт рыжий!

Дядя Ваня предложил заехать к нему перекусить перед дорогой.

— Семьдесят четыре километра — это не так уж далеко, — сказала Алиса.

— Это по асфальту не далеко, — ответил дедушка. — А по тайге — другое дело. К ночи доберёмся, не раньше. Так что едем к Ивану, и не спорь.

Дом дяди Вани стоял на краю села — деревянный, тёмный от времени, весь в резьбе. На коньке крыши красовался деревянный петух с распущенным хвостом. Даже собачья конура у забора была резная.

Из конуры немедленно выбрался Полкан — огромный, лохматый, похожий на небольшого медведя. Алиса и Дениска на всякий случай остановились у калитки.

— Да не бойтесь, — махнул рукой дядя Ваня. — Он детей обожает.

Полкан обнюхал Дениску, лизнул его в ухо и завилял хвостом. Дениска немедленно повис у него на шее.

Во дворе их уже ждала тётя Маруся — невысокая, с длинной белой косой и голубыми глазами. Она улыбнулась так, будто знала их всю жизнь.

— Игорь, Ванюша, Полина, Саша, Алёнка — все сюда! Гости приехали!

Из-за дома, из сеней, с огорода — отовсюду сразу появились дети. Все рыжие, все веснушчатые, все галдели одновременно.

Первым подошёл Игорь — четырнадцать лет, высокий, серьёзный не по годам, с отцовскими синими глазами. Он пожал руку дедушке, коротко кивнул маме и окинул Алису оценивающим взглядом:

— В баскетбол играешь?

— Играю, — удивилась она.

— Видно, — сказал он без лишних слов и отошёл в сторону, явно считая знакомство состоявшимся.

Следом выбежал маленький Ванюша — пять лет, рыжий вихор, нос в веснушках — и сразу остановился напротив Дениски. Они смотрели друг на друга секунды три.

— Ты умеешь лазить на деревья? — спросил Ванюша.

— Я умею лазить на всё, — ответил Дениска.

Через минуту их уже не было видно — только хохот доносился из-за дома.

Полина появилась из сеней с книгой в руке — шестнадцать лет, спокойная, с тугой рыжей косой. Она посмотрела на Алису с нескрываемым интересом:

— Ты на всё лето в заповедник?

— На всё, — вздохнула Алиса.

— Повезло, — без иронии сказала Полина. — Я бы тоже поехала, да мама не отпускает одну. — Она чуть помолчала. — Мы с Сашей и Алёнкой попросимся к вам в гости. Дед Степаныч не прогонит?

— Не прогонит, — засмеялся дедушка.

Саша — одиннадцать лет, вся в отца — была круглолицей, шумной и моментально деловой. Она подбежала к Алисе, оглядела её снизу вверх и заявила:

— Ты высокая. Я тоже буду высокой, мне мама обещала. Пойдём покажу тебе кроликов, у нас их четырнадцать штук, и один совсем ручной.

Не дожидаясь ответа, она уже тянула Алису за рукав.

Алёнка — шесть лет, самая младшая — стояла чуть в стороне и молча разглядывала гостей круглыми серьёзными глазами. Когда мама присела перед ней и спросила, как зовут, Алёнка подумала и сказала:

— Алёнка. А ты привезла конфеты?

— Алёна! — ахнула тётя Маруся.

— Привезла, — серьёзно ответила мама и полезла в сумку.

Алёнка удовлетворённо кивнула и взяла конфету обеими руками.

Стол накрыли во дворе, под резным навесом. Пахло укропом, жареной рыбой и свежим хлебом. Алиса не помнила, когда последний раз ела так вкусно — может, от деревенского воздуха, может, от дороги, но даже простые солёные огурцы казались лучше всего городского.

За столом все говорили разом, Ванюша опрокинул стакан с компотом, Алёнка деловито собирала со скатерти крошки, Полина что-то шёпотом рассказывала Алисе про заповедник — что там есть озеро и что прошлым летом они видели рысь прямо у дороги.

Когда пришло время уезжать, дети высыпали за калитку. Саша крикнула вдогонку:

— Мы приедем! Папа нас отвезёт!

— Приедем! — эхом повторила Алёнка, помахав обеими руками.

Ванюша и Дениска попрощались рукопожатием — торжественно, как взрослые.

Дорога началась сразу за селом — и асфальт кончился вместе с ней.

УАЗ нырлял в колеи, кренился на поворотах и скрипел так, будто вёл внутренний монолог о тяжёлой жизни. Лось вышел из леса прямо перед капотом — встал, посмотрел жёлтым равнодушным глазом и ушёл не спеша, когда захотел.

— Дед, а он не боится? — спросил Дениска.

— Здесь его территория, — ответил дедушка. — Это мы гости.

В одном месте дорога превратилась в жидкую глину, и дедушка вышел проверить, пройдёт ли машина. Дениска, разумеется, вышел следом.

Они шли вдоль колеи, когда Дениска вдруг остановился у старого засохшего дерева. У самой земли в стволе чернело дупло. Он присел и заглянул.

Из дупла на него уставилась мордочка с круглыми тёмными глазами и смешными торчащими ушами.

Дениска отпрыгнул назад и взвизгнул:

— Деда! Деда! Тут страшный зверь со странными ушами! Он меня хочет съесть — караул!

Дедушка подошёл, нагнулся и посмотрел в дупло. Выпрямился. И захохотал так, что птицы шарахнулись с ближайшей сосны.

— Это горностай, Дениска. Размером с твою варежку. Хорошо, что руку не сунул — вот тогда бы точно укусил.

Дениска с достоинством посмотрел на дупло. Горностай смотрел в ответ — невозмутимо и с явным превосходством.

— Я просто не ожидал, — сказал Дениска.

Все расселись по местам, и УАЗ двинулся дальше.

Через километр дорогу перегородило поваленное дерево — толстая ель, вывернутая с корнем. Все вышли. Алиса первой подошла к стволу — и в этот момент прямо над её головой с тяжёлым хлопком крыльев пронеслась огромная птица.

Алиса присела. Сердце ударило в рёбра.

Птица уселась на ветку в десяти метрах и уставилась на них круглыми жёлтыми глазами. Огромная, серая, лохматая — размером с доброго кота.

— Дедушка, это что за пеликан? — спросила Алиса, когда голос вернулся.

— Сова. Бородатая неясуть. Редкая птица. Только вот днём они не летают просто так — что-то её тревожит.

Алиса огляделась, посмотрела на примятую траву у ствола — и увидела серый пушистый комочек. Он сидел неподвижно, почти незаметный среди мха.

— Тихо, — сказала она. — Все тихо. Смотрите.

— Где? Мне тоже! — немедленно зашумел Дениска.

— Тихо, я сказала. Иди сюда, только медленно — или он испугается.

Дениска, кряхтя от усилий, на цыпочках подобрался и заглянул через её плечо. Совёнок — маленький, лохматый — сидел с закрытыми глазами и почти не дышал.

— Он живой? — шёпотом спросил Дениска.

— Живой, — тихо сказал дедушка. — Летать ещё не умеет, вот и вывалился, когда дерево упало. Мать кружит, найти не может.

Сова действительно ходила широкими кругами над поляной — бесшумно, как тень.

— Его нужно перенести, — сказал дедушка. — Дерево придётся убирать.

Он осторожно протянул руку. Совёнок мгновенно ожил — раскрыл глаза, растопырил крылья и клюнул в палец.

— Ого. Характер есть, — усмехнулся дедушка, но руки не убрал.

Он подхватил птенца, отнёс подальше от дороги и устроил на широком старом пне. Сова немедленно переориентировалась и закружила над пнём.

— Она его найдёт? — спросила Алиса.

— Уже нашла, — кивнул дедушка. — Будет рядом, пока не встанет на крыло. Терпеливые птицы.

Алиса смотрела, как сова садится на ветку над пнём и складывает крылья. Совёнок сидел, пошатываясь, и смотрел в никуда. Что-то в этой картине не давало сразу уйти.

Дедушка взял топор и разобрался с елью за четверть часа. Снова погрузились в машину.

До заповедника добрались уже в темноте. Последние полчаса Дениска спал, привалившись к Алисиному плечу, — машину трясло, он посапывал и не просыпался. Алиса смотрела в окно, где между деревьями изредка мелькали звёзды, и думала о совёнке на пне.

Лес вокруг был тёмный и бесконечный, и она поняла вдруг, что не знает о нём почти ничего.

Глава 4. Бабушкина радость

УАЗ остановился у ворот, и фары погасли.

— Дениска, сынок, вставай. Приехали, детка, — тихонько будила мама, но Дениска упорно не открывал глаза.

— Ну ничего, — сказал дедушка, улыбаясь. — Я его на руках перенесу. А с бабушкой завтра поздоровается, ничего страшного.

— Бабушка! Где бабушка? Мы уже приехали, что ли? — немедленно расшумелся Дениска.

— Ой, как же хорошо было, пока ты молчал, — пробормотала Алиса, шаря по сиденью в поисках куртки.

Со стороны крыльца донёсся топот, и по двору стремительно неслась бабушка — руки раскинуты ещё за десять метров, голос летел впереди неё:

— Мои дорогие внучата приехали! Радость-то какая! Господи, а я всё жду, жду, думаю — уж не случилось ли чего в дороге! Алисонька, внученька, счастье моё! Как выросла, какая красавица! Танюша, дочь, это же вылитая ты маленькая!

Дениска внимательно посмотрел на Алису — так, будто увидел её впервые, — и задумчиво произнёс:

— Ну, мам, теперь я знаю, какая ты маленькая была. Ты что, и вредная такая же была? Бедный дядя Серёжа — вот так мы, братья, всю жизнь и мучаемся!

Бабушка мгновенно переключилась на него, и Алиса так и не успела ответить, хотя слова уже вертелись на языке.

— Дениска, внученёк, барабашка мой! Бабушка заждалась!

— Бабусинка! — объявил Дениска. — Можно я буду тебя так называть?

Бабушка засмеялась и поцеловала его в щёку — видно было, что новое имя ей понравилось.

— Ну конечно, барабашка.

— Скучать тебе точно не придётся, ба, — сказала Алиса.

— Это точно, — согласился дедушка. — Ну, пойдёмте в дом, на улице темнеет.

— Кстати, дед, — бабушкино лицо, и без того сиявшее, засветилось ещё больше. — Ты не знаешь ещё одну новость. Послезавтра Серёжа с Лёней приезжают!

Алиса почувствовала, как у неё слегка похолодело внутри.

Пока дедушка ездил на станцию, егерь Василий привёз бабушке телеграмму от дяди Серёжи — он как раз с утра заходил в Калинино на почту, а там, узнав, что он отправляется на кордон, попросили завезти. Все егеря так и делали: машины оставляли здесь, потому что дальше никакой дороги уже не было — дальше шли пешком или ехали на лошадях.

— Ну вот, все внуки в сборе, — сказал дедушка. — Готовься, мать, к весёлому лету.

«Обхохочешься», — подумала Алиса. Один Дениска — это ещё куда ни шло. Но Лёня в придачу — это уже слишком. Когда они собирались вместе, казалось, что их не двое, а как минимум четверо. Она вздохнула про себя и ничего не сказала.

Дом у бабушки с дедушкой был деревянный, добротный и большой — настоящий терем, в котором спокойно разместились бы ещё десять внуков. Алисе и Денису досталось по отдельной комнате, что особенно порадовало Алису.

Посередине гостиной стоял накрытый стол. Бабушка была мастерица по части готовки и считала, что самое главное в детстве — никогда не быть голодным. Алиса, уже озабоченная своей фигурой, мысленно прикинула лишние килограммы, которые неизбежно появятся к концу лета, и тихонько вздохнула — но не очень огорчилась, потому что готовила бабушка действительно вкусно.

В середине ужина Дениска начал клевать носом прямо за столом. Мама увела его укладывать.

— Мам, а сказку? — спросил он сонным голосом.

— Сынок, давай завтра. Я соскучилась по бабушке с дедушкой, хочу поболтать с ними. Отпустишь меня, лапушка?

— Ну ладно. Но тогда завтра — целых две. Про страшного волка и несчастных четверых козлят, и ещё одну — я завтра придумаю.

— Эх ты, счетовод мой, — улыбнулась мама, накрывая его пуховым одеялом. — И куда же ты троих козлят потерял? Спокойной ночи, родинка.

Родинками она называла детей, когда они были паиньками. Строгость её в трудные моменты ограничивалась длинными лекциями о том, что вырастает из непослушных детей, — но эти лекции могли растянуться на добрых полчаса. Папа в таких случаях предоставлял воспитание маме и тихонько сочувствовал детям.

Мама вернулась в гостиную, когда бабушка вносила самовар — настоящий, старинный, на дровах, начищенный до золотого блеска. Бабушка с дедушкой любили чаёвничать, и компания за этим самоваром бывала разная: егеря, лесники, учёные, которые приезжали изучать животных и растения заповедника. Сегодня за столом сидели только свои, и разговор тек негромко и неспешно — о том, как доехали, о том, что изменилось за зиму, о дяде Серёже и Лёне.

Алису потянуло на сон. Она поцеловала маму, бабушку и дедушку, пожелала спокойной ночи и ушла в свою комнату.

Постель была застелена с мягкой пуховой периной, в окно смотрел тёмный лес. Из гостиной доносились голоса — тихие, неразборчивые, домашние. Алиса закрыла глаза и почти сразу провалилась в сон — крепкий, без сновидений, какой бывает только после долгой дороги.

Глава 5. Королева кикимор

Утром Алису разбудили вопли.

Она вскочила, сбежала по лестнице со второго этажа и остановилась на пороге гостиной.

Посреди комнаты прыгало и вопило нечто. На голове у существа красовалась целая охапка перьев, на плечах болталось что-то неопределимое, а заканчивался наряд юбкой из листьев и веточек. Оpoznать Дениску можно было только по воплям.

— Ну что ты орёшь как сумасшедший? — попыталась перекричать его Алиса.

— Я в индейцев играю! — радостно сообщил Дениска. — Я вообще решил, что всё лето буду индейцем!

— Послушай, дорогой братец. Индейцы в сибирском лесу не водятся.

— Не понял. А где же они живут?

— В Северной и Южной Америке. Вот где.

Дениска расстроился по-настоящему.

— А кем же мне тогда быть? Кто в нашем лесу вообще живёт?

— Кикимора болотная, — не задумываясь ответила Алиса. — И переодеваться тебе не надо — ты и так за её братца сойдёшь. Вылитый маленький кикимор.

Дениска на секунду задумался. Потом лицо его просветлело, он выпрямился и торжественно произнёс:

— Хорошо, кикимора! Я согласен быть твоим братом на всё это лето. Клянусь поддерживать тебя во всех твоих кикиморских делах и подвигах!

Алиса опешила. Такого поворота она не ожидала.

«Всё правильно, — сообразила она. — Если он брат кикиморы, то я и есть та самая кикимора. Сама виновата — нечего теперь возмущаться».

Она помолчала секунду. Потом подумала, что это, пожалуй, даже удобно: если Дениска считает её королевой, значит, хоть какая-то возможность управлять его шалостями всё-таки есть.

— Ладно, — сказала Алиса. Она нагнулась к его юбке из листьев, вытащила один прутик и приложила к его голове. — Посвящаю тебя в рыцари! Отныне ты должен во всём слушаться меня и беспрекословно подчиняться моим приказаниям. Всегда защищать свою королеву кикимору. И ни одного подвига не совершать без моего согласия.

— Так точно, королева кикимора! — Дениска сиял. Рыцарь — это звучит гордо, пусть даже кикиморский.

— Внулата, завтрак! — донеслось с кухни. — Дениска, беги, зови дедушку!

Дениска вопросительно покосился на Алису.

— Можно?

— Можно.

Он сорвался с места так, будто за ним кто-то гнался, — он всегда так делал всё на свете. Алиса смотрела ему вслед и думала, что, несмотря на все хлопоты, она не променяла бы его ни на одного тихого и спокойного мальчика. С Дениской всегда что-нибудь да приключалось. Когда вечером он наконец засыпал, все домашние испытывали ни с чем не сравнимое облегчение. Мама говорила, что не знала бы, какое это блаженство — тишина, если бы не Дениска.

За завтраком дедушка хитро прищурился:

— Так расскажи нам, Алиса, про королеву кикимор.

— Уже разболтал! — Алиса посмотрела на брата. — Ну никакой тайны с тобой не сохранишь!

— Так ты же не говорила, что это тайна! — тут же начал оправдываться Дениска. — Я бы не рассказал, если бы знал!

— Интересно, что же это за кикимора такая? — вмешалась бабушка.

— Рассказывай, — вздохнула Алиса. — Что теперь скрывать. Но впредь помни о клятве: ничего без моего разрешения.

И Дениска поведал — обстоятельно и с удовольствием — о том, что индейцы в тайге не живут, что в тайге живут кикиморы, и что он теперь рыцарь на всё лето. Бабушка слушала и кивала: она сразу поняла, что за этой игрой стоит. Дедушка хохотал, но игру поддержал. Больше всех обрадовалась мама — она как никто знала Дениску и понимала, как нелегко будет Алисе без неё: бабушка уже немолода, дедушке хватало своих заповедных дел.

— Денис, — сказала мама, и лицо у неё стало серьёзным, — я надеюсь, что воспитала тебя достойным рыцарем. Не опозоришь честь семьи, не ударишь в грязь лицом. Верю в тебя, и мы с папой ещё будем гордиться таким сыном.

Лицо Дениски стало торжественным — пожалуй, впервые в жизни по-настоящему серьёзным. Алиса благодарно посмотрела на маму.

— А теперь пойдёмте знакомиться с хозяйством! — позвал дедушка.

Он обвёл внуков по двору, показал, где что находится, а потом повёл за угол дома — туда, где за невысоким забором располагался его «мини-зоопарк».

Первой они увидели косулю. Она стояла в дальнем углу вольера и смотрела на них настороженно.

— Браконьеры ранили, Василий привёз с дальнего кордона, — объяснил дедушка. — Подлечу и отпущу туда же, в родные места.

Дениска потянулся погладить её, но косуля отступила.

Дальше был медвежонок — совсем маленький, с круглыми тёмными глазами.

— Этой зимой родился, — сказал дедушка. — Нашёл его одного в лесу, во время обхода. Иду, слышу — кто-то ревёт, жалобно так. Подхожу — а там этот малыш сидит. Я сначала испугался: думал, мать рядом. Медведица за своего медвежонка поломать может.

— Это как — поломать? — удивился Дениска. — Попролам, что ли?

— Это так говорят, — засмеялся дедушка. — Поломать — значит погрызть, порвать когтями, или прижмёт хорошенько — и дух вон.

Дениска огляделся по сторонам с озабоченным видом.

— Где?

— Что — где?

— Ну, ты сказал — дух вон. А где «вон»? Я чего-то не вижу его.

Дедушка присел от смеха. У Алисы выступили слёзы.

— Дениска, — еле выговорил дедушка, — с тобой действительно не соскучишься.

Дальше были два зайчонка в клетке. Один из них, самый смелый, опёрся лапками о прутья и деловито обнюхал Дениску.

— Деда, — сказал тот, присев на корточки, — они что-то не очень похожи на зайцев.

— Это как — не похожи? На кого же похожи тогда?

— Ну, на кроликов. Я видел у соседей на даче. Ты что, не смотрел «Ну, погоди!»? Вот там заяц — как заяц, а это кролики какие-то.

— Эх, Дениска. Зайцы и кролики — это почти одно и то же. Одни живут на воле, другие в хозяйстве. Вот и вся разница. А заяц из мультика — это выдумка мультипликаторов, понял?

— Понял. Мне бы ещё волка увидеть — было бы что ребятам рассказать!

— Волка у меня сейчас нет, — развёл руками дедушка. — Но вам ещё не скоро уезжать. Может, повезёт.

Последней была лиса — рыжая, с острой хитрой мордочкой.

— Надо же, — сказала Алиса, — точно такая, как в сказках.

— Эту красавицу сегодня и выпустим, — сказал дедушка, берясь за клетку. — В капкан попала, лапку повредила. Но уже здорова — засиделась.

Они дошли до опушки. Дедушка открыл дверцу. Лиса выскочила, пробежала несколько метров — и вдруг остановилась. Обернулась. Секунду смотрела на дедушку — и исчезла в кустах.

— Надо же, — тихо сказала Алиса. — Она как будто поблагодарить хотела.

— Они умные, — ответил дедушка. — У них свой мир и свои понятия. А мы всё лезем в их дела, хотя какое имеем на то право? Решили, что мы хозяева земли, что всё должно под нас подстраиваться. Может, всё совсем не так, и они просто терпят нас рядом — как соседей по планете. Если мы будем губить животных, вырубать леса, травить реки — они когда-нибудь восстанут, и тогда людям несладко придётся.

— Я никогда не буду обижать животных! — выпалил Дениска. — Я буду как ты, деда!

— Хорошо, если так и будет. — Дедушка потрепал его по макушке. — Ну, пойдёте кормить зверят. Денька через три и косулю отпустим — нечего ей засиживаться.

— Деда, — спросила Алиса, — а медвежонок? Он ведь один не выживет?

— С ним сложнее всего. Пока маленький — ещё ничего. А подрастёт — и не прокормлю, и близко подходить побоюсь: дикий зверь. Позвонил я на днях в одно местечко — приедут, заберут. В зоопарке будет жить. — Он помолчал. — Не хотелось бы, конечно. Да что поделаешь — доля его такая.

Алиса оглянулась на вольер. Медвежонок сидел у забора и смотрел им вслед.

Так прошёл первый день в заповеднике.

Вечером за чаем говорили о завтрашнем приезде дяди Серёжи и Лёни. Дедушка снова собирался в Калинино. Дениска было попросился с ним, но дедушка напомнил о вчерашней дороге, и тот быстро передумал — объявил, что останется готовиться к встрече здесь.

Мама вздыхала: уезжать приходилось через пару часов после приезда брата — толком и не поговоришь. Потом решила, что они с Сергеем приедут за детьми немного пораньше, проведут недельку у бабушки с дедушкой. Немного успокоившись, попрощалась с ребятами за вечерним чаем — уезжала она ранним утром и будить их не хотела.

В одиннадцать все разошлись по комнатам.

Алиса лежала на мягкой перине и смотрела на лунный квадрат света, который косо лежал на бревенчатой стене. Из-за стены доносилось дедушкино похрапывание, из соседней комнаты — Денискино сопение. В доме было тихо и тепло.

Она думала о лисе, которая оглянулась на опушке. О медвежонке, которому досталась такая доля. О том, что королева кикимор — это, пожалуй, не самая плохая должность.

Глава 6. Рыцари по неволе

Весь следующий день прошёл на удивление тихо.

Дениска с утра нашёл себе занятие — и занятие это оказалось достойным: он познакомился с Мамаем. Дедушкин сенбернар был ростом почти с самого Дениску, с огромными мохнатыми лапами и добродушной мордой, с которой не сходило выражение искреннего расположения ко всему живому. Мамаю было год и два месяца — по меркам сенбернара почти младенец, — и он ещё не вполне понимал, что такое «нельзя» и «сидеть». Зато отлично понимал «бежать», «прыгать» и «ещё раз».

Дедушке его привёз в мае прошлого годный гость — профессор из Москвы, который по несколько раз год навещался в заповедник с научными целями. Дедушка как-то обронил зимой, что мечтает о большой собаке — такой, чтобы вид был внушительный, а нрав добрый. Профессор запомнил и в мае привёз щенка сенбернара, завернутого в старый свитер.

Щенок вырос. Нрав оказался именно такой, какой хотел дедушка: устрашающий снаружи и телячий внутри.

Дениска привязал к нему санки — настоящие, деревянные, найденные в сарае. Снега не было, стояло лето, но Мамаю это ничуть не смутило. Он носился по двору, волоча санки по траве и лопухам, а Дениска вопил от восторга. Алиса наблюдала из окна, прихлёбывая чай, и думала, что они похожи — оба носятся как заведённые и оба совершенно счастливы.

Сама она помогла бабушке по хозяйству, потом достала планшет. Мама разрешила взять его с условием: не больше двух часов в день. Алиса честно выдержала положенное время, закрыла планшет и вышла на крыльцо — просто сидеть и смотреть, как вечереет лес за воротами.

Дениска за весь день подбегал к окну раз двадцать. Каждый раз останавливался, смотрел на дорогу и говорил в пространство:

— Что-то их долго нет.

И уходил обратно к Мамаю, потому что больше сказать было нечего.

Он скучал по Лёне. Виделись они последний раз прошлым летом — целый год назад, почти вечность. Лёня был старше на год с лишним и этой осенью шёл в первый класс, чему Дениска завидовал совершенно открыто: в школе учат читать по-настоящему. Лёнина мама была учительницей, и Лёня уже умел и читать, и считать. Дениска тоже знал все буквы и цифры наизусть — мама с Алисой выучили, — но складывать их в слова у него пока упорно не выходило. Мама говорила, что придёт время, что Лёня просто старше. Дениска кивал и верил. Но всё равно немного завидовал.

Ближе к вечеру семья собралась в столовой. Бабушка поставила самовар, Алиса придвинула кресло поближе к окну. Говорили о разном — ни о чём особенном, просто чтобы время шло. Дениска каждые пять минут вскакивал и подбегал к окну, прижимался носом к стеклу, смотрел на тёмную дорогу и возвращался обратно.

— Сядь, — говорила бабушка.

— Сижу, — отвечал Дениска и через пять минут снова стоял у окна.

Машину услышали раньше, чем увидели — сначала далёкий рокот за воротами, потом фары в сгустившихся сумерках. Дениска опрокинул табуретку и вылетел на крыльцо раньше всех.

Дверца УАЗа открылась. Первым вылез Лёня — обстоятельно, придерживая дверь, огляделся с видом человека, прибывшего по важному делу. За ним выпрыгнул дядя Серёжа — высокий, широкоплечий, с быстрой улыбкой, которая у него была точь-в-точь как у мамы.

Дениска не успел добежать до него двух шагов — уже летел вверх. Дядя Серёжа подхватил его одной рукой, подбросил, поймал, подбросил снова. Дениска взвизгивал и хохотал.

— Ну что, мужичок, вырос за зиму?
— Вырос! Целых четыре сантиметра!
— Серьёзный результат. — Дядя Серёжа поставил его на землю и пожал руку, как взрослому. — А ну покажи.

Дениска встал прямо и втянул живот.

— Богатырь, — одобрил дядя Серёжа и потрепал его по макушке.

Потом обернулся к Алисе, которая стояла на крыльце, — и улыбка стала шире:

— Алиска! Совсем взрослая стала. Смотри-ка, — покосился на дедушку, — ещё немного и тебя перегонит.

— Следующим летом точно, — невозмутимо ответила Алиса.

Дедушка хмыкнул. Бабушка уже тянула всех в дом — стол накрыт, всё готово, идите скорее.

За ужином говорили все разом. Дядя Серёжа рассказывал про дорогу — как застряли у брода и как Лёня стоял на берегу в сухих кроссовках и давал советы. Лёня выслушал это с достоинством и заметил, что его советы в итоге помогли. Дядя Серёжа согласился — с такой улыбкой, что было непонятно, шутит или нет. Бабушка накладывала и подкладывала еду, дедушка подливал чай. Мамай за дверью почуял жареное и заскрёбся лапой — бабушка прикрикнула, он затих, но через минуту заскрёбся снова.

После ужина взрослые остались за столом, а дети отправились наверх.

Дениска, который за целый день перемолчал больше обычного, теперь тараторил без остановки:

— Лёнь, а Лёнь, ты на всё лето, как и мы?

— До августа. — Лёня устроился на краю кровати, аккуратно расправил футболку. — Папа приедет за неделю до школы — надо собраться, подготовиться. Мама форму и одежду не стала покупать заранее: говорит, за лето вырасту. Свежий воздух, здоровая еда, деревенский труд — всё пойдёт на пользу.

Дениска открыл рот и некоторое время молчал, переваривая такую взрослую речь.

— А тётя Оксана тоже приедет за тобой? — спросила Алиса.

Лёня помолчал секунду.

— Мама не сможет. Примерно через месяц у меня будет брат или сестра.

Алиса радостно уставилась на него.

— Мы не знали. Совсем. Надо же.

— Алис! — Дениска дёрнул её за рукав. — Ты чего радуешься? Я не понял, что он сказал.

— У Лёни скоро родится брат или сестра. А значит, у нас появится кузен или кузина.

Дениска нахмурился и отвернулся.

— Я вообще с вами разговаривать больше не буду.

— Ну что теперь опять непонятного?

— Брат или сестра у Лёни — понял. А вот кто у нас появится — не понял. Лимузин, что ли?

Алиса рассмеялась.

— Не лимузин, а кузен или кузина. Так называют двоюродных братьев и сестёр. Лёня, вот, например, наш кузен. Ты его кузен, а я — кузина. Понял?

— Ну вот, — сказал Дениска с достоинством. — Что ж тут непонятного было.

Лёня смотрел то на одного, то на другую — с видом человека, попавшего в незнакомую страну и пока изучающего обычаи.

— А в кикимор с нами будешь играть? — не вытерпел Дениска.

— В кого?

— Вот болтун. — Алиса вздохнула. — Находка для шпиона.

— Ой, прости, королева кикимора! — Дениска зажал рот обеими руками. — Честное слово, последний раз. Но Лёня всё равно бы узнал!

— Поэтому и прощаю.

Лёня переводил взгляд с одного на другого.

— Что вообще происходит?

Алиса объяснила — коротко и по делу: кикимора, рыцари, клятва, правила на всё лето. Лёня слушал с выражением вежливого скептицизма.

— Ерунда, — сказал он, когда она закончила. — И что, я тоже должен быть кикиморой?

— Рыцарем, — поправил Дениска. — Это совсем другое. Рыцарь — это гордо.

— Всё равно ерунда. Несерьёзно как-то.

— Лёнь. — Алиса посмотрела на него спокойно. — Ты проведёшь здесь два с лишним месяца. Лес, ни одного соседа, семьдесят четыре километра до ближайшего магазина. Чем собираешься заниматься?

Лёня не ответил.

— Попробуй. Не понравится — скажешь, никто держать не будет.

— Ладно, — сказал он после паузы. — Договорились.

— Алис, я за прутиком! — Дениска уже соскочил с кровати.

— Это ещё зачем? — насторожился Лёня.

— Сейчас узнаешь, — заговорщицки сообщил Дениска и исчез за дверью.

Через несколько минут вернулся — с виноватым видом и без прутика.

— Там ничего не видно уже. Может, пойдём все вместе?

Алиса поняла без лишних слов. Дениска всегда побаивался темноты — и в городской квартире, и тем более здесь, на краю леса. Никогда и никому в этом не признавался. Алиса только догадывалась, но молчала — так было правильнее.

— Пойдёмте все вместе, — сказала она, будто это само собой разумелось.

Они тихо прокрались мимо столовой — оттуда доносились голоса дедушки и дяди Серёжи, звякали ложки о блюдца, — выскользнули на крыльцо и свернули за угол дома, где росли кусты смородины. Трава была холодная и мокрая от вечерней росы, ветки блестели в темноте.

Алиса нашла подходящий прутик и повернулась к Лёне.

— На одно колено.

— Что? — Лёня отступил. — Нет. Это уже слишком. Я тебя замуж звать не собираюсь — ты мне сестра, хоть и двоюродная.

— Господи, — вздохнула Алиса. — Ты хоть одну книгу про рыцарей читал? Именно так их и посвящают. Становись.

Лёня покосился на Дениску. Тот смотрел с видом человека, уже прошедшего обряд и знающего, что это не больно и не страшно. Лёня помолчал, потом с достоинством, давая понять, что делает это исключительно по собственной воле, опустил на одно колено.

Алиса произнесла клятву — те же слова, что и Дениске: слушаться королевы кикиморы, защищать её, не совершать подвигов без её согласия. Где-то в смородиновых кустах завопилась птица. Мамай, наблюдавший за церемонией, коротко твякнул и затих.

— Клянусь, что так оно и будет, — произнёс Лёня с иронией. — Раз уж так сложилось.

— Встань, рыцарь.

Они вернулись в дом теми же манёврами. Когда дверь Алисиной комнаты закрылась, Лёня вдруг остановился посреди комнаты.

— Подождите. — В голосе появилась нешуточная озабоченность. — Я только что поклялся.

— Поклялся, — подтвердила Алиса.

— А сроки мы не обговорили.

— Обговорили. До конца лета.

— А если ты захочешь не снимать клятву?

— Давши слово — держи. А коли не держать — какие же вы рыцари? — Алиса выдержала паузу, глядя на их растерянные лица, и добавила: — Ладно. Не собираюсь держать вас пожизненно. Только до конца лета.

— А если мне не понравится? — не унимался Лёня.

— Нравится, не нравится — терпи, моя красавица.

Лёня открыл рот, потом закрыл. Дениска для приличия секунду посочувствовал — и расплылся в улыбке.

— Добро пожаловать в рыцари, — сказал он.

В дверь постучали, и в проёме появилась бабушка.

— Это что же за подозрительная тишина? Я уж думала, не случилось ли чего. — Она оглядела всех троих и улыбнулась. — Умнички. Сидят тихонечко, играют. Прямо приятно посмотреть.

— Не расслабляйся, ба, — сказала Алиса. — Это временно.

— Дэнъ, ты здоров ли? Что-то молчишь.

— Спать хочу, — сказал Дениска. — Устал просто.

— Вот и хорошо. — Бабушка шире открыла дверь. — Я как раз пришла протрубить отбой.

— Где труба? — немедленно оживился Дениска. — Ты что, без трубы трубить умеешь?

— Не умею. Это я так сказала.

— Обманула! Тогда с тебя сказка — и точка.

— За обман, конечно, наказание причитается, — согласилась бабушка. — Расскажу длинную-предлинную. Пойдёмте. Лёнь, я вас с Дениской в одну комнату поселила, если не возражаешь.

— Ура! — заорал Дениска раньше, чем Лёня успел открыть рот.

— Я понял, что меня никто не спрашивает, — сказал Лёня.

— Умный мальчик, — согласилась бабушка. — Идём, умный мальчик.

Они пожелали Алисе спокойной ночи и ушли. Голоса затихли за стеной, потом стало слышно, как бабушка начала сказку — негромко, нараспев.

Алиса завернулась в плед и легла поверх одеяла. За окном чернел лес, в столовой дедушка с дядей Серёжей ещё о чём-то переговаривались — низкие голоса, смех, позвякивание стаканов. Хорошие звуки. Домашние.

Она думала о том, что рыцарей теперь двое, клятва дана, и о том, что лето только начинается.

Глава 7. Ночной кошмар

Ещё два дня пролетели быстро и незаметно, как это бывает, когда в доме полно гостей и никто не смотрит на часы. А потом пришло время дяде Серёже уезжать.

С утра все ходили притихшие. Даже Дениска не вопил и не носился — сидел на крыльце рядом с Мамаем и задумчиво чесал пса за ухом. Бабушка украдкой смахнула слезу, отвернувшись к плите. Но дядя Серёжа, как всегда, не дал грусти задержаться дольше чем на минуту.

— Мам, пап, — сказал он, подмигивая, — мы же вам с Танюхой заложников оставили. — Он кивнул в сторону Дениски и Лёни. — В конце лета ждите в гости, как обещали, на недельку. Да вам и заскучать-то с такой командой некогда. Я бы даже сказал — как бы вы раньше времени не попросили обратно их забрать.

Он потрепал Дениску по вихрастой голове:

— Один племяш чего стоит! Ух, сто рублей убытку.

Дениска насупился, но было видно, что обижаться ему совершенно не хочется.

— А повезло, что Алиса согласилась с вами лето провести, — добавил дядя Серёжа. — А то тебе, мам, с ними одной и не справиться.

— Это уж точно, — согласилась бабушка, и в голосе её не было ни капли насмешки.

— Всё! — Дядя Серёжа хлопнул в ладоши. — Прекращаем грустить. Идём завтракать.

Завтракали пирогами с черникой. Бабушка тем временем собирала гостинцы для тёти Оксаны. В корзинку отправились кедровые орехи — в здешних местах шишки были знатные, большущие, а орешек размером с фисташку, просто так не разгрызёшь, зубы поломать можно. Но уж если доберёшься до ядрышка — объедение. Следом легли баночки с вареньем из лесной земляники, солёные грузди, маринованные опята, хрустящие рыжики в масле — всё, чем щедро одаривала тайга. Подполье у бабушки всегда было забито лесными дарами, и оттуда они плавно перетекали в город, к детям и внукам.

Часам к двенадцати пришёл с четвёртого кордона егерь Михаил Иванович — коренастый, обветренный, с прокуренными усами и спокойным прищуром. Он собирался в Калинино к семье на побывку, и его выдавший виды «уазик» стоял во дворе с тех пор, как он ушёл на кордон. Так делали все местные егеря: оставляли машину у дома и уходили в лес на несколько дней. С ним и отправили дядю Серёжу.

Прощались коротко, по-деловому, чтобы не разводить сырость. Дядя Серёжа обнял каждого, Дениску подбросил в воздух — последний раз, до августа, — Лёне пожал руку, Алисе подмигнул: «Следи за этой бандой, кикимора». И сел в машину.

Когда «уазик» тронулся, за ним с громким лаем бросился Мамай.

— Вот непутёвый! — Дедушка покачал головой. — Всё-то ему забава. Когда ума наберётся?

Мамай скрылся в лесной чаще за поворотом. Дениска сначала смеялся — огромный пёс несётся за машиной, уши развеваются, — но минут через десять перестал смеяться и заперевживал.

— Всё. Пропала собака. Заблудится. Надо срочно искать, а то стемнеет — и мы сами потеряемся!

— Не потеряется, — спокойно сказал Лёня. — У собак нюх — они дорогу домой всегда находят. По учебнику природоведения.

— По какому ещё учебнику? — недоверчиво спросил Дениска.

— По школьному. Мама дала почитать. Там целый раздел про собак.

И действительно: минут через пять Мамай вынырнул из леса — весь в хвое, язык на плече, глаза сияют. Словно дух лесной. Он подбежал прямо к Дениске и потёрся мокрой мордой о его колени — будто понимал, как за него переживали.

— Вот видишь? — сказал Лёня.

— Вижу, — буркнул Дениска, но от ушей Мамаю отрываться не спешил.

Дедушка вернулся на крыльцо, отряхивая руки.

— Так, кикиморка, — обратился он к Алисе, — приказывай своим рыцарям пойти со мной. Нарвём зайчатам травы свежей, да побольше. У меня там ещё и кроликов двадцать четыре штуки и все есть хотят.

Алиса обернулась к мальчишкам.

— Слышали приказ? — она постаралась придать голосу королевское достоинство.

— Да поняли, поняли, — Дениска уже вскочил. — Пошли, Лёнь!

И они понеслись в огород с таким воодушевлением, будто собирать траву для кроликов — самое большое счастье на свете.

Бабушка, стоя в дверях, только развела руками.

— Ты посмотри-ка, — сказала она Алисе. — А задумка-то твоя сработала.

— А то! — Алиса улыбнулась. — То ли ещё будет, ба, вот увидишь. Это только начало.

Они убрали со стола, вымыли посуду и принялись за остальной порядок — и день снова покатился своим чередом.

Незаметно прошёл ещё один день. К вечеру все разбрелись по своим комнатам готовиться ко сну. Бабушка рассказывала мальчишкам очередную сказку — благо знала она их столько, что хватило бы на каждый вечер до конца лета и ещё осталось. Дедушка уже спал: он всегда ложился первым, чтобы встать с рассветом. Алиса лежала в постели, поджав ноги, и в очередной раз пыталась читать «Алису в стране чудес».

Глаза слипались. Буквы расплывались, строчки плыли влево и вправо, книга то и дело выпадала из рук.

— Господи, ну что за книга, — пробормотала она. — Сумасшедший кролик, кот ненормальный какой-то...

Она перелистнула ближе к концу, почитала ещё минут пять и окончательно сдалась:

— Ну вот. Взбесившиеся карты в довершение всего. — Она захлопнула книгу и сунула её под подушку. — Если меня назовут глупой, я соглашусь. Мне никогда не понять странные приключения моей тётки.

Она выключила ночник. В окно лился яркий лунный свет — в эту ночь было полнолуние, и тени от деревьев лежали на полу, как длинные чёрные пальцы. Засыпая, Алиса подумала, что и сама чувствует себя немного в стране чудес — в доме на краю леса, с двумя рыцарями, которые теперь обязаны её слушаться.

Ей снилась мама. Потом папа. Потом школьные друзья, оставшиеся в городе. Сон был тёплый, спокойный — но в какой-то момент в него стал прокрадываться посторонний звук. Тихий шёпот. Словно кто-то скрёбся под половицами.

Алиса, не просыпаясь, начала прислушиваться.

— Эта, че ли? — голос был скрипучий, простуженный.

— Ну да.

— Дык, мож, и не она вовсе? Рожица-то больно гладка... Кхе-кхе...

— Она, она, я тебе говорю.

— Видал я до этого кикимор — совсем они другие. Тех симпатичными не назовёшь, а эта вроде ничаво, красивая даже.

— Так она ж королева кикимор.

— Ну, может, поэтому. Я ишо королев ихних-то не видывал донине. Кхе-кхе...

— Надо будить.

— Погодь, погодь. Боюсь я чавой-то. Я энтих кикимор повидал на своём веку — уж больно зловредные, а эта ишо и королевешна. Может так статья, ишо покруче простых будеть.

По спине у Алисы пробежал холодок, будто кто-то касался её ледяными пальцами. «Что это ещё за чертовщина? — мелькнуло в голове. — Я сплю или нет? Если не сплю — кто это? Мамочка, мамулечка, где ты?..»

Она лежала, боясь шевельнуться, и затаила дыхание.

— Да нет. — Это был уже другой голос, знакомый. — Эта хорошая. Я её с детства знаю, выросли вместе. Вредничает иногда, правда, а так ничего.

— А че кикиморы таперича и в городах жить, че ли? Ну надо ж... Куда ж цивилизация дошла... Кхе-кхе...

«Так, — подумала Алиса. — Один из них — Дениска. Это точно. Но кто второй? Старичок вроде, судя по голосу. Не дедушка — это ясно. И дедушка знает, что я вовсе не кикимора, что это просто игра у нас такая. Сейчас повернусь, включу свет — и всё узнаю».

Она резко повернулась и щёлкнула выключателем ночника.

В комнате вспыхнул мягкий свет.

Дениска подпрыгнул от неожиданности и застыл с виноватым лицом. А рядом с ним металась по комнате странная фигура — лохматая, с дико выпученными глазами, приземистая, в каком-то старом мешке вместо одежды. Существо заметалось из угла в угол, ища, куда бы спрятаться. Опрокинуло табуретку, загремело чашкой с карандашами и наконец замерло, закрыв лицо ладошками.

— Токмо не бейте! — взвизгнуло оно.

«Надо срочно позвать бабушку», — подумала Алиса.

Она открыла рот и попыталась произнести слово «бабушка». Но получилось только странное шипение:

— П-ш-ш-ш... П-ш-ш-ш...

Дениска и лохматое существо переглянулись.

— Попробуй ещё раз, — участливо предложил Дениска.

— Мне... плохо... — прошептала Алиса и, теряя сознание, плюхнулась обратно на подушку.

Последняя мысль была: «Хорошо, что я не встала. А то больно бы ударилась об пол».

И всё погрузилось в темноту.

Глава 8. Лекарство для домового

— Смотри, реснички задрожали. Щас оклемается.

Голос был скрипучий, но не злой — такой, будто говорящий привык к тишине и разучился пользоваться связками. Алиса не открывала глаз.

— Первый раз таку нежну кикимору вижу.

— Я же говорил — она королева. А королевы все нежные.

«Опять началось. Господи, помоги мне. Вот читаешься ерунды всякой на ночь, а потом мерещится всякое непонятное».

Алиса замерла. Подушка была тёплой, одеяло — сбитым в комок, ночник всё ещё горел — она чувствовала свет даже сквозь закрытые веки. В комнате стояла тишина. Даже часы перестали тикать — или ей так показалось.

«Сейчас открою глаза — и ничего такого нет. Никого нет».

Только она собралась поднять веки, как снова услышала:

— Знаешь, давай я её сначала сам разбужу. Ты пока не показывайся, спрячься вон там, за тумбочкой. Она меня не испугается — родня всё-таки.

«Снова началось. Сейчас, наверное, буду кричать. Только сначала посмотрю кто там».

— Алиса, Алис, проснись. Дело есть. Ну, вставай же, кикимора.

Голос Дениски. Она открыла глаза.

Точно: перед кроватью стоял брат — в пижаме с нарисованными динозаврами, в тапочках на босу ногу, с лицом одновременно виноватым и крайне заинтересованным. В комнате больше никого не было — на первый взгляд.

— Ты кто? — спросила Алиса на всякий случай.

— Ты что, своих уже не узнаёшь? Это же я, Денис.

Она села на кровати, поправила сбившуюся набок пижамную куртку и выдохнула. Сердце всё ещё колотилось где-то в горле, но голос Дениски звучал как обычно — громко и с готовностью немедленно рассказать что-то чрезвычайно важное.

— Господи, Дениска, мне тут такое померещилось — ни в сказке сказать, ни пером описать. Я...

— Ты подожди, Алис. — Дениска замялся, переступил с ноги на ногу, потрогал пальцем край ночника. — Я что тебе хочу сказать... ты только не пугайся. Я тут познакомился... ну, как бы это сказать... с одним человеком. Ой, нет, не с человеком. А... как бы мне его назвать... ну, я прямо не знаю.

— Кхе-кхе. Та со мной он познакомился.

Алиса взвизгнула, вскочила на кровати во весь рост и прижалась спиной к холодной стене. Дениска отступил на шаг. Из-за тумбочки, нервно теребя концы длинного шарфа, намотанного вокруг шеи, показался... кто-то. Ростом поменьше Дениски, весь обросший длинной шерстью — только на ручках и коротеньких ножках мех был короче. Совсем без шерсти были только лицо и кисти рук. Из взлохмаченной головы торчали маленькие круглые ушки. Лицо — чудное, как смесь старичка с младенцем: курносый нос, пухлые, как у ребёнка, губы, и глаза — чёрные, блестящие, похожие на бусины. В них сейчас читалось крайнее смущение и немного обиды.

Алиса медленно сползла по стене обратно на подушку и уставилась на гостя.

— Поздравь меня, дорогой Дениска, — сказала она деревянным голосом. — У меня началась белая горячка.

— Ой, а я не знаю, что теперь делать. Та-а-ак... — Дениска наморщил лоб. — Мама, помню, читала нам лекцию: у тех, кто много пьёт, бывает белая горячка. Вот!

— Что «вот»?

— Бражничать не ладно, мала ишо, — подал голос мохнатый гость и шмыгнул курносый носом.

Алиса перевела на него совершенно круглые глаза. Дениска, ничего не понявший из слов старичка, продолжал с энтузиазмом:

— Помнишь, сколько ты вчера компота выпила? А? И бабушка говорила тебе, что будет плохо и может случиться авария, и ты ночью поймаешь рыбку. Тебе рыбки не мерещатся ещё?

— При чём тут компот и рыбки? — почти простонала Алиса. — Тут уже такое мерещится... Столько компота выпить невозможно, чтобы видеть то, что я вижу.

— А что ты видишь?

— Дениска, повернись назад.

Дениска обернулся. Постоял. Пожал плечами.

— Ну?

— Что «ну»? Что ты там видишь?

— Домового, — ответил Дениска.

— Кхе-кхе, — подтвердил тот, кого назвали.

— Так, снова слуховые галлюцинации, — Алиса зажмурилась. — Недаром мне так не хотелось ехать сюда. Как чувствовала!

— Да успокойтесь вы, дамочка... — гость осёкся, поправился: — То есть, простите, кикиморочка. Я вовсе не люциния и не горячка... ммм... как яё там... белая. Я домовый Еремей — Еремейка я. Кхе-кхе. Можно просто Ерема.

Он потупился, опустил глаза к полу и пошаркал лохматой ножкой. Шарф, невероятного серо-буро-красного цвета, размотался на один виток и свесился концом до пола.

В комнате наступила минута молчания. Она растянулась на добрых пять.

Алиса сидела и смотрела. Еремей стоял и переминался. Дениска крутил головой от одного к другому, как зритель на теннисном матче. Наконец домовый не выдержал:

— Я никак ни скумекаю — она чаво? Аки спит с открытыми глазами али чаво?

— Нет, — шёпотом ответил Дениска. — Мне кажется, она думает просто.

— Разумная, поди, раз так долго думает. Кхе-кхе. Я так долго никогда ещё не думал, — уважительно произнёс Еремей. Потом, подождав ещё немного, добавил: — Большой разум приводит к умовредию.

— Она у нас не дурочка, в школе на одни пятёрки учится, — поддакнул Дениска.

— Во дела! — Еремей всплеснул ладошками. — Кикиморы уже и в школу ходють. Куда цивилизация пошла!

— А что значит «умовредие»? — спросил Дениска.

— Безумие это значит, — пробормотал домовый и, кажется, даже покраснел под шерстью.

— Алис, — Дениска повернулся к сестре и заскулил совершенно жалобно, — ты прекращай, пожалуйста, так долго думать. А то ещё умовредие наступит, и как нам тогда быть?

Алиса не отвечала. В тишине стало слышно тиканье часов на стене. Каждый удар казался громче предыдущего. Дениска открыл было рот, но тут послышался шёпот.

— Дэня, — тихо спросила Алиса, — я правильно поняла, что я всё это, по правде, и вижу, и слышу?

— Правильно.

— Так-так... — она медленно перевела взгляд на домового. — И где ты его откопал?

— Он меня не откапывал, — с достоинством ответил Еремей. — Жив я покудова ещё. Кхе-кхе. Я с чердака спустился. Занедужил маненько. Пока отлёживался, спускаюсь — и прямо на мальчика наткнулся. Делать нечего, пришлось баять. Я ж не знал, что сюда столько народу понаехало. Недужил я. Кхе-кхе...

Он зашёлся в долгом, сухом кашле и закутался в шарф поплотнее.

— Алис, ему травы надо, — вмешался Дениска и дёрнул сестру за рукав.

— Ты предлагаешь мне сходить и нарвать ему травы? — Алиса подняла бровь.

— Ага, — с готовностью подтвердил Дениска.

— Да не просто травы, а хвоща болотного, — уточнил Еремей, прокашлявшись. — Он на болоте токмо растёт. Кхе-кхе. Мы, домовые, от всех болезней токмоо хвощем болотным лечимся. Верное средство.

— То есть, — медленно произнесла Алиса, и в голосе её прорезалась надежда, — если я правильно поняла... я принесу этого хвоща, и ты прекратишь мне мерещиться? И всё снова станет по-прежнему?

— Коли вам так угодно будет — не покажуся боле, — пообещал Еремей и даже голову склонил.

Тут Дениска не вытерпел. Он встал рядом с Еремеем, упёр руки в бока и возмутился:

— А мне не угодно! Мне с ним интересно! И потом, он же заболел, его лечить надо. Ты как хочешь, а я друга в беде не брошу. Ничего себе — ни разу в жизни домового не видел, наконец повезло — и отказаться от него?! Нет, я так не могу!

— «Ни разу в жизни», — передразнила Алиса, но без злости. — Да их вообще никто ни разу не видел. Их не бывает. Это выдумка, сказка просто. Ты что, не понимаешь?

— То есть как эти «выдумка»? Кхе-кхе-кхе... кхе-кхе-кхе...

Еремей зашёлся кашлем таким яростным, что шарф съехал набок и открыл лохматое горло. Дениска бросился поддержать его под локоток.

— Выдумка! — прохрипел домовый, отсмеявшись кашлем. — Почти триста лет живу — и выдумка! Это ж надо такое ляпнуть. Вот деревня! Та меня, между прочим, уже второй раз видют. Съела? Выдумка! Огрех вот такой со мной вышел, понимаешь, второй раз. Всё простуда эта окаянная, будь она не ладна. Тепереча мне на болото надо, за хвощем, а там кикиморы. Я уже раз сунулся было — не пустили, озлобились чавой-то. А мне хвоща надо. Назад шёл — тута малец меня поймал. Бает, что в избе, пока я болел, кикиморская королевишна на лето поселилась. Решил я у тебя попросить хвоща болотного, дабы ты своим-то сказала, и они мне дали сорвать. А ты... ты... — он задыхался от возмущения. — Ты, отроковица, как я посмотрю, совсем старость не уважаешь! Вежливости тебя не учили! Выдумка! Стыдно должно быть тебе таперица!

Алиса сидела, открывая и закрывая рот, как рыба, выброшенная на берег. Еремей, закончив тираду, тяжело дышал и поправлял шарф. Наконец Алисе удалось выдать:

— Дениска. Там, на полке, толковый словарь. — Она помолчала и добавила медленно, словно пробуя голос: — Будь хорошим мальчиком, подай мне его.

Дениска поспешно вскочил, подбежал к полке и застыл перед рядом книг.

— А как мне узнать, где словарь? Я ж читать не умею.

— Самая толстая. Самая большая синяя книга. Подай её, пожалуйста.

Видимо, после обвинений в невежливости у Алисы прорезалась повышенная уважительность ко всем окружающим — включая брата. Дениска с натугой вытянул с полки тяжёлый том и принёс сестре.

Алиса открыла книгу. Пальцы у неё чуть дрожали, но перелистывала она страницы быстро и деловито. Еремей и Дениска замерли. Нашла нужное слово — провела пальцем по строке.

— «Отроковица — девочка-подросток». — Она захлопнула словарь. Хлопок получился громкий, как выстрел. — Когда надо идти?

— Ранехонько поутру, до рассвета, — оживился Еремей. — Днём я не могу. Мы, когда болеем, дневной свет плохо переносим. Отдыхайте покудова. Я вас разбужу, кадысь нужно будет.

Он сладко зевнул — мелькнули маленькие острые зубки, — запахнул шарф и посеменил к двери. Смотреть ему вслед было странно: лохматый, низенький, с оттопыренными ушами и

шарфом до полу, он напоминал не то маленького медвежонка, не то оживший моток старой пряжи. «И чего я, собственно говоря, так испугалась? — подумала Алиса, глядя, как он по-утиному переваливается через порог. — И вовсе он даже не страшный. Я бы сказала, что он очень даже симпатичный. Только вот быть всего этого не может!»

— Я тоже пойду, — сказал Дениска и двинулся следом. У двери обернулся. — Алис, а можно мы Лёню с собой возьмём?

— Ты думаешь, он поверит?

— Это я беру на себя, — пообещал Дениска и исчез в коридоре.

Он прокрался в свою комнату, стараясь не наступать на скрипучую половицу. Лёня спал, накрывшись одеялом с головой; торчала только макушка. Дениска нырнул под одеяло, поёжился от холодных простыней и тихо позвал:

— Лёнь. Лёня. Проснись, пожалуйста.

Тишина.

Кровати стояли углом, изголовье к изголовью — бабушка поставила так, чтобы мальчишкам было удобнее болтать перед сном. Дениска протянул руку и осторожно потряс Лёню за плечо.

— Лёня, проснись.

— Ну чего тебе? — донеслось из-под одеяла. — Вот уж действительно — ни днём, ни ночью от тебя покоя нет. Говори, чего надо.

— Ты пойдёшь с нами на болото?

— А ты завтра спросить не мог об этом?

— Завтра поздно будет.

— Это ещё почему?

— Туда рано идти нужно. Когда ещё солнце не встанет.

Лёня наконец выпростал голову из-под одеяла и уставился на Дениску. Вид у него был крайне недовольный.

— Интересно, — медленно произнёс он, — зачем вставать в такую рань, да ещё и на болото идти?

— Домовому срочно болотный хвощ нужен, а тамошние кикиморы не дают.

Лёня закрыл глаза. Открыл. Снова закрыл. Потом сел в постели и сказал с большим чувством:

— Ой, ну давай хотя бы ночью не будем играть в вашу дурацкую игру. Это уже слишком.

— А я и не играю. — Дениска ответил так тихо и серьёзно, что Лёня на секунду замер. — Я теперь по правде тебе говорю: помочь ему надо. Он старый и больной. Сам я боюсь, а Алисе одной страшно. Так ты поможешь или нет? Тебя будить?

— Помогу, помогу, — Лёня рухнул обратно в подушку. — Буди. Иди уже спать.

Он пробормотал это уже в полусне — и через секунду задышал ровно. Ему и в голову не пришло, что Дениска говорит серьёзно. Ведь ни один нормальный человек никогда не поверил бы в то, что сказал сейчас младший брат.

А Дениска улыбнулся в темноте, натянул одеяло до подбородка и закрыл глаза. Завтра предстояло болото.

Глава 9. Пора в путь-дорогу

Еремей сладко зевнул, потянулся всем своим лохматым тельцем и откинул крышку старого сундука, служившего ему постелью. Сундук стоял в самом тёмном углу чердака, за старой прялкой и кипой пожелтевших журналов «Нива». Пахло тухлявым деревом, мышами и сушёной мятой — бабушка развешивала пучки под крышей.

Домовой взглянул на настенные часы со сломанной кукушкой. Стрелки показывали начало пятого. Домовые, известное дело, видят в темноте не хуже кошек, так что циферблат Еремей разобрал без труда.

— Кхе-кхе, — покашлял он в шарф и начал выбирать.

Но не тут-то было. Нога запуталась в дыре на ветхом пуховом платке, который заменял ему одеяло. Сам платок зацепился за ржавый гвоздь, предательски торчавший изнутри сундука. Еремейка охнул, завозился — и в следующую секунду повис вниз головой.

Шарф размотался и свесился до пола.

— Охо-хо-хо, — печально вздохнул домовый. — Старею, видать.

Он поболтал руками в воздухе. Кончики пальцев не доставали до пола примерно на ладошку.

— Как быть-то таперича? Придётся, видать, до утра висеть здесь. Можя, малец вспомнить про меня, глянет, чего я не пришёл. А можя и не вспомнить — погибну тогда в полном расцвете сил своих старческих...

Он вздохнул, покашлял и принялся раскачиваться — вправо-влево, вправо-влево, как связка лука под крышей амбара. Больше ничего не оставалось.

Внизу, в своей комнате, Алиса перевернулась на спину в третий раз. Потом на правый бок. Потом на левый. Подушка нагрелась и стала неудобной. Одеяло сбилось в ногах. Она взглянула на часы: пятый час.

«Пора бы ему уже и будить нас. Может, проспал?»

Она села на кровати. Мысль мелькнула радостная и лёгкая: «Да мне же всё это приснилось! Просто сон — и всё. Не было никакого домового. Алиса в стране чудес на ночь — вот тебе и результат».

Она улыбнулась.

Потом перестала улыбаться.

Слишком уж явно всё было. И прутик. И шарф. И «люцинация». И словарь, который теперь лежал возле ночника, не стоял на полке.

Она подождала ещё минут десять, глядя, как лунный свет медленно ползёт по стене. Потом решила: чем так мучиться — было не было, лучше пойти на чердак и проверить. Если никого нет — значит, сон. Если есть... Что ж, тогда придётся поверить.

Она сунула ноги в тапочки и выскользнула в коридор. Половицы под половиком едва слышно поскрипывали. Мимо комнаты бабушки и дедушки, где дедушка похрапывал размеренно и густо, как шмель в банке. Мимо комнаты мальчишек.

У лестницы на чердак пахло сильнее — сухим деревом, пылью и чем-то ещё, острым и немного смолистым, как будто в щелях застрял запах тайги. Алиса поставила ногу на первую ступеньку.

Ступенька скрипнула.

Она замерла. Сердце бухнуло так громко, что, казалось, слышно на весь дом. Но никто не проснулся. Тишина стояла такая глубокая, какая бывает только под утро, когда даже сверчки уже устали, а птицы ещё не начали свое пение.

Остальные ступеньки оказались поговорчивее.

Алиса приоткрыла дверцу на чердак. В лицо дохнуло густым, стоячим воздухом — пахло старой бумагой, шерстяной ветошью, мышами и всё той же сушёной мятой. Кромешная тьма — хоть глаз выколи.

— Ну и темень, — прошептала она, вытягивая руки вперёд.

Пальцы нащупали что-то шерстяное — кажется, старый бабушкин полушубок. Она сделала ещё два шага и уже решила спуститься за фонарём, как вдруг услышала:

— Малец, малец, это ты? Кхе-кхе...

Голос доносился откуда-то из угла.

Алиса остановилась. Выдохнула. Значит, правда. Всё правда.

— Нет, — сказала она негромко. — Это я, Алиса.

— А-а-а, кикимора... — Еремей завозился. — А я вот повис.

— Как это — повис?

— Как-как... вот так. — Он болтнул ногой, запутанной в платке. — Вниз умом и выбраться не могу. Кхе-кхе. Ты бы вытащила мяня, а, кикиморка?

— Сейчас, только за фонарём схожу. Тут темно, как... как у тебя на чердаке ночью.

— Я не боюсь, — заметил Еремей с некоторым достоинством.

Алиса спустилась на кухню. Там пахло вчерашними пирогами и черникой. Взяла большой бабушкин фонарь — тот, что с жестяной ручкой и стеклом, засиженным мухами, — зажгла свечу внутри и поднялась обратно.

Жёлтый свет качнулся по стенам, выхватывая из темноты старые коробки, прялку, кипу журналов и маленький сундук в углу. Из сундука торчали лохматые ноги, а ниже свисал Еремей собственной персоной — шарф до полу, уши в стороны, взгляд обиженный.

— И как это тебя угораздило? — Алиса поставила фонарь на пол и принялась выпутывать его ногу из платка.

— Дак с кем не бывает-то...

— Вот со мной такого ещё не было.

— Дак ты и не спишь в сундуке на чердаке, — хмыкнул Еремей и зашёлся в кашле.

— Что верно, то верно, — улыбнулась Алиса.

Наконец она высвободила мохнатую ногу. Еремей шмякнулся на пол, потёр затёкшую ступню, деловито поправил концы дырявого шарфа и снова превратился в почтенного хозяина чердака.

— Айда мальчика будить, не то поздно будет — Ярило скоро встанет. — Он заковылял к выходу, потом обернулся. — Ах да, благодарствую тебе, отроковица. Кхе-кхе.

— Ярило, ярило, ярило... — повторяла Алиса, спускаясь следом и силясь понять.

— Солнце это, по-вашему, — бросил Еремей через плечо.

Они прокрались в комнату мальчишек. Алиса зажгла ночник. Еремей заглянул в кровати — и ахнул, отшатнувшись:

— Оюшки святы! Их же тут двое!

На одной кровати спал Дениска, разметавшись поперёк матраса. На второй — Лёня, аккуратный, прямой, как солдатик, с одеялом, подоткнутым со всех сторон.

— Ну да, — шепнула Алиса. — Мы забыли сказать, что с нами ещё Лёня приехал. Не бойся, он свой парень. И Дениска ему всё объяснил. Чем больше нас пойдёт на болото — тем вернее дело.

— Кхе-кхе... двое, значит. Ну-ну... — Еремей покосился на Лёню с некоторым сомнением.

Алиса потрясла Дениску за плечо. Тот открыл глаза сразу — будто и не спал.

— Что, уже пора?

— Давным-давно пора. Ты Лёне рассказал?

— Угу. Сказал, что пойдёт с нами. Я пока оденусь, а ты его буди.

Дениска скатился с кровати и начал суетливо натягивать штаны. Алиса подошла к Лёне. Тот спал сном человека, твёрдо уверенного в том, что до завтрака вставать не придётся. Она потрясла его за плечо — никакой реакции. Потрясла сильнее — Лёня пробормотал что-то про школу и повернулся на бок.

Тогда Алиса взяла со стола стакан с водой, набрала в рот глоток и брызнула ему в лицо. Лёня подскочил, как ошпаренный:

— В чём дело?! Что вам всем от меня нужно?!

Он сел, отплёвываясь. Волосы торчали в разные стороны.

— Один полночи мозги пудрил домовыми, теперь вторая достаёт! — Он обвёл комнату мутным со сна взглядом и вдруг замер, уставившись на Еремея. — Это что, собака такая? Порода странная... впервые вижу. Лохматая какая-то...

— Та-а-а-к, — возмутился Еремей, подбоченившись. — Теперь ещё и собакой называют! Кхе-кхе-кхе. Аки я чудище заморское, а не домовый почтенный! За один день столько оскорблений принять пришлось, сколько за триста лет не натерпелся. Я требую сатисфакции!

— Собака говорящая... — пробормотал Лёня и потряс головой. — Вот тебе и доброе утро.

— Чего он требует? — Дениска, уже одетый, выплянул из-за Алисы.

— Сатисфакции, — перевёл Лёня, не сводя глаз с Еремея. — На дуэль, значит, вызывает. Только вы, уважаемая, учтите — дуэли нынче запрещены.

— А мне плевать! И не «уважаемая», а «уважаемый»! Для вас я — Еремей Никифорыч! Кхе-кхе!

Глаза у него блестели так воинственно, что Алиса решила вмешаться:

— Лёня. Успокойся. Тебе что, Дениска ночью ничего не говорил?

Лёня нахмурился. Потёр глаза. Потом медленно перевёл взгляд с домового на Дениску, с Дениски на Алису. В голове у него, кажется, щёлкнуло.

— Говорил, — произнёс он медленно.

И замолчал. Встал, натянул рубашку, аккуратно заправил её в шорты, одёрнул воротник и коротко сказал:

— Пошли.

— Куда? — удивился Дениска.

— На болото, если я правильно понял.

— Я с энтим не пойду таперича, — буркнул Еремей, складывая ручки на груди. — Пусть сперва прощения попросит. Сперва собакой называют, а потом — «айда со мной на болото»! Кхе-кхе!

Лёня сделал совершенно серьёзное лицо и, почти поклонившись, произнёс:

— Прошу прощения, Еремей Никифорыч.

— Так-то вот, — удовлетворённо буркнул домовый и зашагал к двери.

«Да, Ленькиному самообладанию позавидовать можно» — подумала Алиса.

И вся компания дружно отправилась в утреннюю тьму.

Тяжёлая входная дверь закрылась с глухим стуком, отрезав тёплый свет кухни от улицы. Их сразу обнял сырой предрассветный туман. Дениска вздрогнул — он выскочил босиком, как был, в тапочках на тонкой подошве. Холодная роса зашуршала под ногами. Пахло мокрой крапивой, прелыми прошлогодними листьями и почему-то — чуть-чуть — дымом, будто где-то далеко в лесу горел костёр.

Где-то совсем рядом, в черничнике, спросонья цвиркнул первый сверчок.

Еремей шёл впереди, кутаясь в шарф и подсвечивая дорогу маленьким масляным фонариком — он извлёк его непонятно откуда, кажется, просто из воздуха. Свет качался и прыгал по тропинке.

— Ярило встаёт скоро, — проворчал домовый через плечо. — Поспешать надо, отроки.

И тропинка нырнула в лес.

Глава 10. Страшные люди — кикиморы

Лес встретил их сыростью и тишиной. Тропинка вилась между старых елей, корни которых выпирали из земли, как костяшки огромных пальцев. Воздух пах грибами, мхом и чем-то кисловатым — болотным. Дениска то и дело спотыкался о коряги и шёпотом ругался.

— Далеко? — спросил он наконец, потирая ушибленный палец.

— Чаво далече? — переспросил Еремей, не оборачиваясь.

— Да болото твоё. Когда уже дойдём?

— Не моё оно вовсе, а кикимор, — огрызнулся домовый. Шарф его волочился по росе, собирая прилипшие травинки. — Мой — дом. Кхе-кхе.

— То есть как это твой? — Дениска от возмущения даже остановился, уперев руки в бока. — И вовсе он не твой, а дедушкин и бабушкин! Они там живут, а ты на чердаке только прячешься.

— Это вы так думаете, а он мой, — Еремей тоже остановился и обернулся. Глаза-бусинки сверкнули в темноте. — Если меня не будет — то и дома не станет.

— Это интересно. — Дениска прищурился. — Куда же он денется?

— Да мало ли чаво с ним случиться может. Кхе-кхе. Сгорит, к примеру.

Тишина после этих слов стала какая-то особенная — звонкая.

— Это интересно, кто же его подожжёт? Ты, что ли? — Дениска попятился. — Мы тут, значит, ему хвощ ищем, а он нам дом поджигать собрался! А ну, братва, поворачивай назад!

Он развернулся на пятках — роса брызнула из-под тапок — и сделал было шаг обратно, но Еремей вцепился ему в рукав мохнатой лапкой.

— Успокойся, малец. Не собираюсь я твой дом поджигать. Просто так положено: пока домовый в доме — с ним ничаво не случится. Потому как нас нельзя обижать. В доме порядок соблюдай, не ссорься и не ругайся. Кхе-кхе. И вкусненькое чавой-нибудь на столе оставляй — не то уйти можем, и кирдык! А то похоронят всё по холодильникам да по банкам: выйдешь ночью перекусить — а тамо пусто. Как тута за порядком следить-то на голодный живот?

— Мама говорит, еду на столе оставлять нельзя — тараканы заведутся, — вмешался Лёня рассудительным тоном. От холода у него покраснел нос, но говорил он по-прежнему размеренно.

— Оно-то верно, — вздохнул Еремей, отпуская Денискин рукав, — да только тараканы быстрее заведутся, еслича в доме бардак да мусор по углам валяться будет.

Алиса к их болтовне не прислушивалась — думала о своём.

«Надеюсь, что про кикимор он пошутил. Что домовые есть — в принципе, согласна. Они, наверное, для порядка нужны, как домашний талисман. А вот с кикиморами — ни за что не соглашусь! Еремейка просто боится один идти, вот и выдумал».

Она покосилась на домового, который как раз поправлял шарф и шмыгал носом. Маленький, лохматый, с оттопыренными ушами — ну какой из него полководец? Конечно, боится.

Её размышления прервал лай Мама. Пёс увязался за ними от нечего делать — выскочил из будки, когда они крались мимо, и теперь бежал впереди, гордо подняв голову и помахивая хвостом. Довольный, что его не прогнали.

— Приближаемся, — дрогнувшим голосом сообщил Еремей.

Тропинка стала влажной, потом чавкающей. Под ногами захлюпало. Деревья расступились, открывая большую прогалину, затянутую зелёной ряской. Пахло гнилью, стоячей водой и чем-то сладковатым — багульником, кажется.

Все непроизвольно замедлили шаг.

И вдруг:

— Стой, кто идёт?!

Голос прозвучал откуда-то спереди, пронзительный и скрипучий, как несмазанная дверная петля. Команда замерла. Алиса пыталась разглядеть в утренних сумерках, кому принадлежал этот голос, но на берегу никого не было. Только чёрная вода, осока и коряга, торчащая из трясины.

«Померещилось», — подумала она и сделала ещё один шаг.

— Стой, кто идёт, говорю!

И тут она увидела.

Из воды торчала голова. Даже не одна, а целых три. Три мокрых головы, покрытых тиной, с длинными спутанными волосами, похожими на водоросли.

«Началось», — мелькнуло у Алисы в голове.

Еремейка осторожно шагнул и спрятался за её спину. Лёня с Дениской вцепились друг другу в руки и прижались плечом к плечу, как два испуганных воробья на ветке. Даже Мамай перестал лаять и попятился, поджав хвост.

— Чего молчишь? — прошептал Еремей, щекоча руку Алисы шерстью.

Алиса набрала в грудь побольше воздуха. Сделала шаг вперёд. И сказала очень, очень умную вещь:

— Это мы.

— И что вам, Мы, надо на нашем болоте, да ещё и ночью? — спросил препротивный голос, и теперь стало понятно, что принадлежит он той голове, которая торчала посередине. Остальные две молчали и пялились.

— Нам бы болотного хвоща, — ответила Алиса, стараясь, чтобы голос не дрожал. — А больше ничего.

— Это ты, Ерёма, за спиной там прячешься? — голос стал совсем уж неприятным — казалось, им можно гвозди вытаскивать. — Я ж сказала — не дам! И не ходи зря!

— Придётся таки дать. Кхе-кхе, — из-за Алисиного плеча высунулась лохматая голова. — Со мной королевшна ваша. Ей-то уж отказать не посмеете.

Еремей ткнул пальцем в Алису. Ткнул и тут же спрятался обратно.

Кикиморы подплыли поближе. Вода расходилась кругами, и теперь можно было разглядеть их как следует. Та, что посередине, была самая крупная и самая страшная. Лохматая и чумазая, несмотря на то, что живёт в воде. Да ещё и с прорехами вместо зубов.

Лёня и Дениска ещё теснее прижались друг к другу.

— Ох и неприятненькая она, — прошептал Дениска. — Зубы, наверное, совсем не чистит...

Страшная кикимора тем временем уставилась на Алису маленькими, близко посаженными глазками. Осмотрела с головы до ног. И вдруг издала дикий смех — такой, что с ближайшей ёлки сорвалась какая-то сонная птица и с возмущённым криком улетела прочь.

Смех напоминал лошадиное ржание.

— Ха-ха-ха-ха! — заливалась кикимора, хлопая ладошкой по воде и поднимая фонтаны брызг. Две другие тут же подхватили — одна смеялась тоненько, как ржавая пила, другая просто повизгивала. — Это что ли, королева наша?! Вот умора! Вот эта чистенькая, аккуратно расчёсанная, вся отглаженная, отутюженная... Уродство просто! Смотреть противно! Ты бы, Ерёма, подумал, прежде чем такую приводить. Или мозги у тебя от старости высохли совсем?

Смех оборвался так же внезапно, как начался. Наступила тишина — только вода капала с веток в трясину. Еремей медленно повернулся к Алисе и посмотрел на неё вопросительно-выжидательно.

Алиса опустила глаза. Щёки у неё горели. Сердце стучало где-то в горле, но не от страха — от стыда.

— Они правы, — тихо сказала она. — Я не настоящая королева. У нас просто игра. Я согласилась пойти, потому что думала — ты сам боишься, вот и придумал кикимор. Если б знала, что они по правде живут... ни за что бы не пошла.

Еремей помолчал. Потом печально вздохнул — так, что кончик шарфа шевельнулся.

— Надо было сразу сказать-то про забаву. Теперь такое начнётся...

— Чего?! — взвизгнула главная кикимора. — Еремей, лопухнулся ты по полной! Так это всё игра? Обманул нас, старый пень! Сейчас проучим вас, чтоб неповадно было сюда ходить! И тут началось такое!

В них полетели комья мокрой, липкой грязи — невесть откуда, казалось, из самого воздуха. Кикиморы оказались отличными метателями: каждый комок находил цель. Болотная жижа, чёрная, вонючая, летела градом. Следом взметнулись целые фонтаны брызг.

Мамай бешено лаял, но не приближался. Он никогда в жизни не видел столько грязи в воздухе и не понимал, с какой стороны тут можно укусь.

Дениска, Лёня, Алиса и Еремей кричали, визжали и метались по берегу, натываясь друг на друга. Они ничего не видели, потому что боялись открыть глаза — грязь заляпляла лицо мгновенно. Алиса споткнулась о корягу, упала, поднялась, снова упала. Кто-то наступил ей на ногу. Кто-то врезался лбом в её плечо.

— Немедленно прекратите! — закричала Алиса, отплываваясь.

— Ворошиловские стрелки несчастные! — выкрикнул Лёня в неожиданном для самого себя приступе красноречия. — Чтоб вы провалились!

И вдруг всё стихло.

В наступившей тишине слышно было только их собственное дыхание — тяжёлое, прерывистое. И мерзкое хихиканье кикимор, удалявшееся куда-то вглубь болота вместе со всплесками воды.

Алиса открыла глаза. Проморгалась. Осмотрела поле боя.

Картина была великолепная.

Лёня стоял с вытянутыми вперёд руками, и с его пальцев капала чёрная жижа. Дениска, разинув рот, таращился на Алису. Алисины длинные светлые волосы свисали чёрными сосульками, с них тоже текло, капало и шлёпалось на плечи. У всех троих лица были перепачканы так, что виднелись одни только вытаращенные белки глаз. Какого цвета была их одежда, теперь совершенно невозможно было разглядеть.

Бедный Мамай сидел поодаль, растерянный, и пытался слизнуть с боков комья тины. У него не получилось — грязь была невкусная. И вонючая. Пёс чихнул, помотал головой и посмотрел на Алису укоризненно: «Ну и зачем мы сюда пришли?»

Но печальнее всех выглядел Еремейка.

Это вообще был не Еремейка. Это был просто большой комок грязи, из которого торчали наружу одни только маленькие круглые ушки и кончик носа. Шарф размотался во время беготни, и его длинные концы тащились за домовым по земле, собирая дополнительную порцию тины.

— Сматываемся! — заорал Дениска, очнувшись первым.

Вся компания с бешеной скоростью понеслась по тропинке обратно к дому. Ветки хлестали по лицам, коряги цеплялись за ноги, но никто не останавливался. Дениска летел первым, высоко задирая колени. За ним — Лёня, на удивление прытко для такого солидного человека. За ним — Алиса, придерживая волосы, с которых на бегу слетали комья грязи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.